

ПРОЛОГ

Когда-то очень давно люди, фейри, эльфы, дельфины и все остальные разумные существа, населявшие мир, надоели друг другу — и это понятно, ведь в те времена все разумные существа были весьма бестолковыми. После долгих препирательств они решили разделить мир и построить что-то вроде магической стены между двумя его половинами. На человеческой стороне жизнь подчинялась логике, разуму и законам природы. Это был честный мир борьбы и труда. На другой стороне правили силы более древние, чем любая земная наука. Это был мир магии, безумия и первозданных сил. Люди нарекли свою половину Землёй, а магические создания свою — Аннуин (кроме гномов, которые называли её *Пиппин-Гильеуипп*, — и это стало одной из многих причин, по которой все по обе

стороны стены и по сей день недолюбливают гномов).

Стена стояла много веков, словно завеса между двумя мирами, невидимая, но нерушимая. Ни одна из сторон не могла ни увидеть другую, ни дотронуться до неё, и со временем многие существа совсем забыли, что есть и другой мир. Так продолжалось до тех пор, пока шайки бродяг не довели закипавшую вражду до неуправляемого бурления и не грянула новая война. Оказалось, что без нормального руководства разумные существа так и остались бестолковыми. Финальная битва пробила в невидимой разделительной стене огромную зияющую дыру. Когда пыль осела, некоторые предложили поставить на дыру заплатку, а другие посчитали, что барьер надо вообще убрать. За шумом и гамом никто не заметил, что Существо, которое находилось *внутри* стены и которое, более того, возможно, являлось самой *сутью* этой стены, куда-то исчезло. Никто не обратил внимания, как Существо, которое до этого многие века прислушивалось, прильнув к трещинам в стене и становясь всё более и более голодным, проскользнуло мимо развалин через залитое кровью поле боя. Никто не увидел, как оно тихо заползло в лес.

Существо двигалось между деревьями и хваталось за тени, заворачиваясь в окружающую тьму, словно в полы мантии. Оно

не знало солнечного света, или пения птиц, или пахнущего медовым цветом ветерка, или даже звука собственного имени. Если у Существа и было имя, то оно никогда не слышало, чтобы его кто-то произносил.

Существо пронеслось мимо замшелых валунов, между вздымавшихся деревьев и над тем местом, где простиралась душная, мутная Кривотопь. Наконец оно добралось до самой середины Дикой Чащи и остановилось передохнуть. Деревья здесь стояли более тесно, а воздух был недвижим. Даже птички голоса замерли вдали. Тени здесь оказались плотными и тяжёлыми, и Существо стало их жадно собирать.

Оно знало про тени всё. В том пространстве между мирами, которое не ведало ни солнца, ни звёзд, тени были настолько абсолютными, что даже теряли форму. Весь мир, в котором обитало Существо, являлся тенью. Тенью была вся его жизнь, и оно ощущало себя в ней невыносимо маленьким. Но в этом новом месте тени оказались другими. Они готовы были выполнять его волю, эти могучие тени камней, валунов и высоких сосен. Вырываемые из них куски удобно сплетались на спине Существа. Оно чувствовало себя сильным. Под своей накидкой, сделанной из мрака, Существо начало принимать новые формы. Огромные формы. Жуткие формы. Но всё же оставалась одна тень, которая мешала Существо

словно заноза, — его собственная тень. Лишь жалкое подобие Существа, эта тень преследовала его, цеплялась к нему, будто дразня своей ничтожностью. Существо запустило лапы в лесную почву, и какое-то время единственным звуком было лишь царапание невидимых когтей, впивавшихся в землю. Когда яма стала достаточно глубокой, Существо вонзило когти в самого себя. Оно рвало, кромсало, наконец осторожно опустило собственную отсечённую тень в холодную землю и засыпало эти жалкие обрезки. И вокруг разлились потоки тьмы, словно весь лес был свежей, чистой салфеткой, по которой расплывалось чернильное пятно.

Тьма сгустилась.

Существо поднялось во всю высоту, потом ещё выше и ещё. Собранные им бесчисленные тени волнами колыхались на ткани его плаща, словно колосья на ветру. Теперь Существо могло стать всем, чем пожелает. Оно уже не вернётся назад.

Тьма, растекаясь по лесу, загустевала и превращалась в спирали и узлы диких лиан. На их поверхности вырастали мерзкие шипы. На минуту воцарилась тишина. Лес замер. А потом тьма начала расползаться.

ГЛАВА 1

Городок под названием Эндсборо был странным местечком, притулившимся на краю того, что с натяжкой можно было назвать цивилизацией. Густой лес, известный местным жителям как Дикая Чаща, окружал городок подобно тому, как большая собака сворачивается калачиком вокруг щенка. С остальным миром население Эндсборо связывала единственная извилистая дорога. За два дня пути на доброй лошади можно было добраться до Заставы Кобба и оттуда — до густонаселённого города под названием Глэнвилль, где царил прогресс. Газовые светильники там уже исчезали, и их место занимали роскошные электрические фонари. Это притом что тихий Эндсборо ещё не добрался даже до газа. У его обитателей сложилась практическая привычка ложиться спать, когда

солнце садилось, и вставать, когда оно поднималось. Эндсборо был прямолинейно прост.

В городке располагались лесопилка и угольная шахта. Ещё имелись небольшие яблочные сады и больше коров, чем, если уж говорить по-честному, кому-нибудь было нужно. Посредине находился кирпичный дом, который служил школой в будние дни, церковью — по воскресеньям и залом для собраний — по субботам. Это был незатейливый городишко, который слышал о технологии и прогрессе, но решил, что всё это слишком утомительно.

Все знали, что в лесу жили чудовища: огромные великаны, тролли и гоблины, которые тёмной ночью выкрадывали маленьких пухленьких младенцев и уносили их в лес навсегда. Тяжёлые испытания ожидали любого смельчака, который решился бы пересечь опушку и устремиться в неизвестность. Чего жители Эндсборо как раз и не делали. Эндсборо был просто не из числа тех, кто ищет беду на свою голову. Но беда сама нашла путь в Эндсборо.

Однажды тёплой летней ночью беда затаив дыхание тихо выбралась из Дикой Чащи и прокралась на цыпочках к домику на окраине городка. Замерев у заднего окна, она

прислушивалась, терпеливо дожидаясь, пока все внутри не заснут. И тогда, убедившись, что её не заметят, беда начала действовать.

Кулл прокрался вдоль задней стены, перебегая из одной тени в другую и прижимая к груди свой драгоценный свёрток. Он не хотел ничего плохого — ну, то есть в основном, по крайней мере, по гоблинским меркам. Его уши с острыми кончиками приподнимались при каждом звуке, а щербатые зубы нервно стучали.

То, что он делал, нельзя назвать предательством. Это просто традиция. И это было необходимо. Ну да, предводитель гоблинов распорядился, что человеческий мир должен теперь стать абсолютно недоступным, и да, был разговор об ужасном позоре, о мучениях и что-то ещё о внутренностях — и это касалось любого члена гоблинской орды, который вторгнется в мир человека, — но разве *человеку* принадлежала эта тихая тёмная комната, в которую прокрался Кулл той ночью? *Человек* не поместился бы в эту крошечную колыбельку и не стал бы играть в эти цветные погремушки и мягкого игрушечного барашка, так ведь?

Кулл собирался украсть этого младенца. Кража младенцев — как раз то, что гоблины

и делали или должны были делать. В любом случае *раньше* делали.

Вздыхая, Кулл одной рукой подтянулся к открытому окну, всё ещё обхватывая свёрток другой. Может быть, именно потому, что они *не* крали младенцев, орда оказалась в столь плачевном положении. Предводитель Надр был слишком мягок. Он мыслил слишком современно. Был слишком слаб. Да, иногда Надр грозился сварить их носы и завязать в узел пальцы на ногах, но в последнее время редко выполнял эти угрозы. Он слишком много якшается с людьми — вот в чём проблема. Слишком мало внимания уделяет похищению младенцев.

Как можно тише Кулл соскользнул с подоконника на пол. В комнате пахло мылом и тальковой присыпкой.

Постоянные причуды предводителя ещё можно было терпеть, пока орда процветала, но теперь всё изменилось. Кулл чувствовал это. Предводитель чувствовал это. Каждый гоблин в орде чувствовал это. Медленно, но верно магия покидала Дикую Чашу. Медленно, но верно орда умирала. Одно дело — сидеть и ничего не делать, когда ничего и нельзя сделать, и совсем другое — сидеть и ничего не делать, когда решение само идёт в руки.

Тряпичный свёрток в руке Кулла шевельнулся, и он почувствовал, как крошечные мягкие пальчики обхватили его большой

палец. Он посмотрел на свёрток. В горле у него пересохло. Перевёртыш — вот ответ.

Перевёртыш — это не просто гоблин, который может преобразиться в человека. Перевёртыш — это живое воплощение гоблинской магии, символ силы и возможностей, надежда. Неслучайно перевёртыш родился именно тогда, когда дела пошли совсем плохо. Предводитель Надд подвёл их, но именно из-за его ошибки появился луч света — этот ребёнок.

Орда не производила на свет перевёртыша — настоящего перевёртыша, а не просто гоблина в парике и одежде — со времён Гадкого Василиска. Тогда предводителем был ещё отец Надда. Старик ни за что не стал бы раздумывать, что делать, если в орде родился бы перевёртыш. Он был истинным гоблином, сохранившим верность Старым Устоям. И теперь, когда его уже нет, кто-то должен сделать так, чтобы Старые Устои не оказались забыты.

По правде говоря, Кулл сам помнил только часть Старых Устоев. О многих из них он вообще ничего не знал, но готов был собственную руку отдать — ну, или чью-нибудь уж точно отдал бы, — чтобы отстоять те отрывки, которые помнил, и Предводитель Надд и все прочие ещё поблагодарят его, когда всё будет сделано. Но пока что он действовал в одиночку. Раз Кулл решил возродить древние традиции, ему надо было

разобраться с деталями самому, и очень быстро.

Мягкий розовый младенец в колыбельке уже начал шевелиться. Кулл рассчитывал утащить маленького человечка назад в Дикую Чашу, пока тот ещё не начал плакать, а вместо него оставить перевёртыша. Затем последует обычный обмен с фейри — Куллу ещё придётся раскопать древние контракты, чтобы выяснить все подробности. Он не помнил точно, как всё происходит, но совсем скоро человеческий младенец окажется на другой стороне завесы, а к этому младенцу вернётся магия. Сколько времени перевёртышу надо будет жить среди людей? Кулл подумал, что там была цифра «три». Или, может, «семь»? То, что это был важный момент, он точно помнил. Но утомительные детали вроде чисел, обрядов и необходимого порядка действий могли и подождать, пока он не украдёт ребёнка и не вернётся домой в лучах славы.

Кулл напоминал себе, что дело было не просто в похищении детей и не в весёлом хаосе, который маленький перевёртыш устроит здесь после подмены. Дело было в благополучии орды, в традиции. Мир гоблинов нуждался в магии, совсем немного, чтобы просто хватало. Им нужно было вернуться к древним ритуалам. Им нужны были Старые Устои. Им нужен был этот младенец.

Кулл со своим свёртком забрался в манеж и осторожно положил двигавшего ручками и ножками перевёртыша на мягкую подстилку. Он был самой большой редкостью, которая появляется в их роду раз в поколение, и Кулл добьётся того, чтобы перевёртыш выполнил свою миссию, пока Надд ещё не лишил его возможности творить всякие чудесные безобразия. В его руках младенец, по крайней мере, выглядел скорее как гоблин — хотя гоблин с кожей, похожей на дым и тени, но теперь она дрожала и шла рябью, словно живой мираж. Кожу покрывали крапинки, и она вздувалась, как старые обои, а потом приобрела цвет вишнёвого дерева, из которого была сделана кровать, и стала пушистой, как детское одеяльце.

До этого Кулл переживал, что превращение не сработает без правильных слов, но сейчас он заулыбался во весь свой щербатый рот: магические инстинкты брали своё.

Где-то в глубине дома скрипнула половица. Кулл замер, все его чувства обратились к двери, ведущей в коридор. Надо было запереть её. Но она осталась приоткрытой, и теперь к ней приближались мягкие шаги. Промелькнула тень. Вдох застрял у Кулла в горле, глаза расширились.

Дверь распахнулась внутрь, и толстый чёрный кот лениво зашёл в комнату. Он взглянул на гоблина, который неподвижно стоял в манеже, а потом уселся на ковёр

и стал безучастно наблюдать за происходящим, подёргивая хвостом.

Кулл снова начал дышать. Всё хорошо. Взрослые люди всё ещё спали. Он вновь обернулся к манежу, чтобы стать свидетелем великого чуда, порождённого его гордой древней культурой. На гоблина смотрели два младенца с носиками-пуговками и пухлыми розовыми щёчками.

Свершилось! Перевертыш всё сделал даже лучше, чем Кулл мог себе представить. Воплощение было полным! Теперь Куллу оставалось только выхватить беспомощного младенца из его уютной кровати и тайком унести в Глубокий Мрак, оставив вместо него двойника. Но тут сначала один ребёнок причмокнул губами, потом — другой. Затем тот потёр щеку, потом — первый.

Кулл засомневался. Он всмотрелся в мягкое личико, которое оказалось ближе к нему, потом — в другое личико. Которое из них? Он ткнул в первого ребёнка своим костлявым пальцем. Оба младенца разом заплакали. Кулл сжался.

В глубине коридора щёлкнула, открываясь, дверь, и послышался усталый женский голос:

— Наверное, он просто проголодался. Ты спи. Я его уложу потом.

У Кулла началась паника. Дрожащими руками он взял ближайшего к нему ребёнка, потом положил его обратно и обхватил

пальцами того, что лежал дальше. Младенцы закричали и задвигали толстенькими ножками. В груди у Кулла застучало. Который из них?

Он переступил с ноги на ногу. Звук шагов приближался. Который? Который? Гоблин перевёл взгляд с двери на детей, опять на дверь, снова на детей, потом...

Дверь открылась со звуком, похожим на мяуканье котёнка.

— Тихо, маленький. Мама здесь, — успокаивающе проговорила миссис Бёртон. Она подошла к кровати. Занавеска заколыхалась от прохладного ночного ветерка. Миссис Бёртон замерла на месте. Миссис Бёртон смотрела во все глаза.

Когда в окнах дома замелькал свет, Кулл уже прорвался через кустарник в Дикую Чашу. Ноги его бежали, сердце стучало, голова была переполнена, а руки — пусты.